

А.А. СМОЛЬКИН

ПАРАДОКСЫ ОТНОШЕНИЯ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Отношение к старости — один из наиболее обсуждаемых вопросов социально-геронтологической проблематики. На Западе масштабное и систематическое исследование межпоколенческих отношений началось в 1960-е годы. Накопленный багаж данных противоречив, хотя большинство исследователей фиксирует рост негативного отношения к пожилым людям. Некоторые авторы говорят о необходимости «эпидемиологии эйджизма», отмечая, что эйджизм — сравнительно новое и тонкое понятие, а потому нередко кажется людям неочевидным или даже вовсе отрицается [9]. Собственные эйджистские установки порой не осознаются самими учеными, в результате чего их исследования строятся как иллюстрации уже имеющихся «знаний» о старости [8].

Отечественный социально-геронтологический дискурс разработан в гораздо меньшей степени и, по сути, находится в стадии становления. Внимание уделяется, главным образом, конкретно-прикладной проблематике — социальной работе с пожилыми и проблемам пенсионной системы. Что касается исследований стереотипов старости или межпоколенческих отношений, сфокусированных именно на пожилых людях, то их число остается незначительным.

Как правило, сегодня в российском общественном мнении негативное отношение к пожилым людям признается априори, становится не предметом анализа, а скорее исходным пунктом размышления на тему старости. В научной и научно-популярной литературе межпоколенческая ситуация в России обычно оценивается как неудовлетворительная, особенно когда подается в сравнении с более успешными в этом смысле обществами — здесь типовыми стали апелляции либо к моделям успешного старения на Западе, являемого нам в медиа-репортажах или образах пожилых туристов, либо к восточной традиции почитания старших, хорошо знакомой нам по народам Кавказа и Средней Азии.

Между тем социологические исследования далеко не всегда фиксируют распространенность негативного отношения к представителям «третьего возраста». Например, исследование геронтологической группы, проведенное З.М. Саралиевой и С.С. Балабановым (1999 г., N=527),

Смолякин Антон Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Саратовского государственного технического университета. **Адрес:** 410010 Саратов, ул. Осипова, д. 4, кв. 64. **Телефон:** (8452) 610-223. **Электронная почта:** anton.smolkin@gmail.com

показало: только 12% пожилых респондентов считают, что большинство представителей других поколений относятся к старикам неприязненно, и лишь 1% охарактеризовал отношения с детьми как плохие [3, с. 57, 62]. По данным А.В. Писарева (2001 г., N=1755), взгляды на пожилых как на экономический и социальный балласт характерны для 6% опрошенных; при этом достаточно высоко оценивается человеческий потенциал представителей «третьего возраста» [2].

Согласно результатам наших исследований (2003 г., N=453), негативные стереотипы старости характерны для 3–13% опрошенных. Выявленные негативные аттитюды к старости имеют латентный характер и проявляются не в агрессивной форме, а скорее в отнесении пожилого человека к категории «отработанного ресурса», в практиках социального игнорирования. При этом положительные качества пожилых назывались респондентами гораздо чаще; большинство опрошенных высоко оценили их жизненный опыт, практическую мудрость и толерантность [4, 5].

Вместе с тем, по утверждению фактически всех опрошенных старше 60-ти, их общественное положение стало значительно ниже, чем было в 40 лет [3, с. 55]. Кроме того, обращает на себя внимание большое количество неопределившихся в ответах на ключевые тематические вопросы. Для этой возрастной группы характерна высокая степень социальной дезинтегрированности — подавляющее большинство пожилых рассчитывают главным образом на собственные силы, а не на помощь других поколений, государства или даже семьи.

Слабая взаимодополняемость и даже некоторая противоречивость приведенных данных свидетельствует о большей сложности феномена межпоколенческих отношений, чем это представляется в общественном, а иногда и научном дискурсе. Как объяснить следующее противоречие: с одной стороны, всеобщее убеждение, усиливаемое СМИ, что к пожилым людям относятся плохо, а с другой — незначительное количество и низкая распространенность негативных стереотипов старости и многочисленные частные утверждения об уважительном отношении к ней? Или — более предметно — почему модель «хорошего отношения» не превращается в «хорошее действие»? По всей видимости, здесь требуется более тонкая оптика, чем та, которая может быть заложена в анкетный опрос.

Методический подход

Сбор и анализ материала¹ проводился по методике «двойной рефлексии» (Т. Шанин) [6] с помощью неструктурированного

¹ Хотелось бы поблагодарить руководителя школы-студии глубинного интервью при кафедре социологии СГТУ к. филос. н. И.Е. Штейнберга и коллег по семинару — к. соц. н. Т.В. Темаева, аспирантов А.С. Лобецкого и С.В. Филиппову за помощь в обсуждении полученных результатов, а также Е.Г. Фень за ценные замечания и предложения.

неформализованного интервью (N=11), март-декабрь 2007 г. Длительность интервью: 6-38 мин., в среднем 17 мин. В качестве респондентов выступали студенты 3-4 курсов (19-21 год; 6 юношей и 5 девушек) различных факультетов СГТУ. Выбор студентов в качестве основных респондентов был обусловлен наличием у них специфических установок: более либеральных моделей университетского поведения и изменения форм или даже ослабления родительского контроля.

Интервью проводились в здании университета, в спокойной обстановке, как правило, без участия третьих лиц. Все интервью можно считать удавшимися, каждый респондент в той или иной степени расширял горизонт понимания проблемы, переполнения никаких кодировочных категорий не произошло, поэтому предлагаемые здесь выводы и обобщения не позиционируются как «окончательные». Беседы были записаны на цифровой диктофон; при транскрипции я старался сохранять эффект живой речи и специфику словоупотребления респондентов.

Как мне кажется, в большинстве интервью в целом удавалось вывести беседу за рамки отношений «преподаватель — студент»; в одном случае можно предположить, что респондент говорил то, что, по его мнению, интервьюер хотел бы от него услышать. Главной претензией к достоверности собранных данных можно считать именно возможное смягчение проговариваемого отношения к пожилым людям. Как правило, респонденты старались рассуждать о старости и своем отношении к ней в рамках социально одобряемых позиций, в то время как их реальное поведение может определяться иными установками и ориентирами.

Отношение к пожилым людям: взгляд респондентов

Отношение к пожилым людям в обществе оценивается респондентами в диапазоне от «отношения охладели» до «в большей степени плохое». Приведенные одной из респонденток примеры «хорошего отношения»² — пассажиры помогают открыть дверь в маршрутке, отсаживаются, чтобы пожилой человек сидел ближе к выходу, — по всей видимости, продиктованы не в последнюю очередь желанием сэкономить время, предупредить потенциальную конфликтную ситуацию с водителем и как «хорошее отношение» в чистом виде объяснены быть не могут. Примечательно, что приводимые респондентами примеры и рассуждения были сосредоточены главным образом на ситуациях в общественном транспорте, — кажется, одним из немногих сегодня мест регулярных межпоколенческих контактов. Вместе с тем,

² Здесь и далее я беру в кавычки «хорошее» и «плохое» отношение в силу недостаточной внятности содержания понятий; я использую именно эту «естественную» типологию главным образом с целью демифологизации представления о «плохом отношении».

если выражение «плохое отношение» понимается респондентом буквально, а не с учетом геронтологического контекста, то его распространенность и даже существование отрицается, либо ставится под сомнение.

По крайней мере, два респондента изначально вообще отказывались признавать распространенность «плохого отношения», но при уточняющих вопросах самостоятельно обнаружили целый набор ситуаций «неуважения» и скорректировали свои формулировки. На мой взгляд, их первоначальное мнение было скорее реакцией на гипертрофированно трагичные медиа-образы пожилых (а возможно, и на упреки со стороны окружающих и родственников), чем ответом на вопрос.

И.: А как, по-вашему, должно быть? Вот мы говорим о том, что к старости относятся плохо, да...

Р.: (*Перебивая*) я не говорю, что плохо относятся. Я сказала, что относятся хуже, чем раньше. Я не говорю, что это плохо.

И.: Можно ли понять Вас так, что к старости относятся не так, как следовало бы к ней относиться?

Р.: Ну... я считаю, что немножко надо [лучше]³ относиться к пожилым людям (*жен., 20 л., 21.04.07*).

Примеры агрессивных действий по отношению к пожилым людям приводились, как правило, в гипотетической перспективе, в конструкциях со словом «может». По-видимому, несмотря на отсутствие непосредственной агрессии, она осознается как возможная участниками ситуации.

Ну, раньше никогда там... пожилого человека, я считаю, не назовешь там... ну, матными словами, в принципе. А сейчас там — ну, если какая-нибудь бабушка зайдет куда-то там с сумками или в очереди будет там стоять, запросто какой-то молодой человек может ее обматерить «Куда ты, там, старая, лезешь?» (*жен. 20 л., 21.04.07*).

Перед подъездом сидит молодежь, кричит, выходит старая женщина, делает им замечание, в лучшем случае... в 1980-е тихо собрались и ушли бы. Сейчас может дойти до убийства, наверное. До такой степени. Особенно ясно видно это на поколениях, которые школу заканчивают. От 13 до 16 лет (*муж. 21 г., 24.04.07*).

Указанные опрошенными произошедшие радикальные случаи плохого отношения к пожилым людям были заимствованы из масс-медиа; один из респондентов привел случай геронтологического эбьюзинга:

И.: А молодежь уважает?

Р.: Молодежь? Ну, как вам сказать, нет. В тех жизненных ситуациях, с которыми я сталкивался, я могу сделать вывод, что стариков сейчас не уважают.

³ Здесь и далее в квадратных скобках помещены неразборчивые и восстановленные по смыслу слова, в круглых скобках — необходимые авторские примечания.

И.: А пример можно?

Р.: Да, пожалуйста. В моем доме живет много стариков <...> Вижу, как молодой сосед, парень старше меня года на три, как он обращается со своей бабушкой. Он может наругаться на нее, сказать ей что-нибудь матом, выгнать ее вообще из дома, когда он приходит с друзьями пить, веселиться. А бабушка в это время сидит в подъезде, плачет. И это сейчас довольно-таки часто встречается, потому что нравы падают. Нету сейчас таких вот ценностей... моральных. Ну, если у другого спросить, как он относится к старикам, ему самому будет неудобно такое говорить, понятное дело, что он скажет, что он хорошо относится (*муж.* 21 г., 26.05.07).

Можно предположить, что значительная часть внутрисемейных конфликтов не становится достоянием общественности по причине недоступности стороннему наблюдателю, а также естественного нежелания пострадавшего обсуждать семейные проблемы с посторонним.

Идеал отношения

В качестве причин необходимости «хорошего отношения» респонденты называют уважение к исторической судьбе («они нас защищали, сражались за нашу Родину»), отождествление с образом прародителей («они чьи-то бабушки-дедушки»), ценность приобретаемого с возрастом жизненного опыта и даже самообъяснительные элементы традиционной иерархии («просто старше»).

Особенностью формирования отношения к пожилым людям является потенциальная включенность в эту группу самих респондентов. Некоторые опрошенные границу между собой и пожилыми людьми прямо оценивают как временную — «это всех нас коснётся»; образ Другого потенциально слит с образом Я. Видимо, это одна из причин, по которой возрастные стереотипы обладают меньшим негативным зарядом и агрессией, чем расовые или гендерные.

Показательным представляется не проговариваемый непосредственно, но явно различимый мотив жалости и сочувствия. Здесь «хорошее отношение» выступает в качестве компенсации за утрату здоровья, недостаточное внимание государства и проч. Предполагается, что общество как бы берет пожилых людей на поруки эмоциональной поддержки.

К пожилым людям надо относиться уважительно, потому что они прожили больше, чем ты, значит, они уже этим заслуживают уважение. Тем, что они уже воспитали своих детей, пережили какие-то жизненные трагедии, от жизни многим досталось. Поэтому не стоит... В стране нашей у стариков *тяжелая ситуация жизненная. Они не живут, они существуют* в основном, если нет родственников. *Поэтому* к ним надо как-то больше проявлять снисхождение (*муж.*, 21 г., 26.05.07).

Я возможно нормально к этому бы относилась, *если бы сидела бабушка, и мне ее в самом деле стало бы жалко*, а тут вот я вот это увидела, что она себя нагло ведет, что все ей тут должны... Мне стало все равно, бабушка она или кто, вот своим этим поведением... (*жен.*, 20 л., 15.05.07).

По мнению респондентов, идеал отношения к пожилым людям предполагает в первую очередь уважение. Иногда в качестве примера фигурирует восточная традиция (но в неполном принятии, с оговорками, касающимися беспрекословного послушания — «ну конечно, не до такой строгости должно быть...») или страны Запада. Некоторые респонденты пытались конкретизировать идеал необходимостью внимания, терпения, востребованности пожилого человека окружающими и т. д., но без уточнения этих понятий. Нередко респонденты говорили скорее об устранении недостатков («не выражать неприязни», «не оскорблять, не поднимать руку»), чем о необходимости каких-то специфических действий.

Респонденты в ситуации взаимодействия с пожилыми людьми: самооценка

Выявление собственного отношения респондентов к пожилым людям прямыми опросными методиками весьма затруднительно; в основном респонденты описывают свою позицию как «стараюсь относиться уважительно» (впрочем, три респондента уклонились от ответа). Просьбы оценить собственное отношение дают реакции, свидетельствующие о том, что представление о должном поведении относительно пожилых людей расходится с практиками конкретных действий, — так, сообщается, что в повседневной жизни сами респонденты относятся «с недостаточным уважением», «надо немножко лучше относиться». При этом, кажется, попыток «исправиться», начать соответствовать собственному идеалу отношения предпринимать не планируется.

И.: Вы считаете, что Ваше отношение достаточно хорошее или рассчитываете его улучшить?

Р.: Наверное, первый вариант ближе... У молодежи тоже ведь много проблем. Мне кажется, я неплохо отношусь. По своему неплохо. Если бы все так относились, было бы нормально. Если бы государство так относилось, — было бы вообще замечательно (*муж., 21 г., 24.04.07*).

Отношение к представителям «третьего возраста» оказывается не реализованным намерением; декларируемая модель «хорошего отношения» не превращается в «хорошее действие». На мой взгляд, именно проблема застревания «отношения» по пути к «действию» в первую очередь нуждается в конкретизации и отдельном исследовании.

Что такое «плохое отношение»?

Соответственно своим представлениям об идеалах практически все респонденты сходятся во мнении, что «плохое отношение» к пожилым людям — это отсутствие уважения и/или демонстрация этого. Говоря о плохом отношении, интервьюируемые приводили примеры не столько «плохих действий», сколько отсутствия действий уважительных или отказа такие действия предпринять. Так, пожилым *не* уступают место в транспорте, не замечая или делая вид, что не замечают

их, *не* помогают донести сумку, перейти дорогу, *не* пропускают в очереди, в общении с пожилым человеком *нет* уважительного тона (иногда, впрочем, отмечали именно случаи вербальной агрессии), наконец, государство уделяет им *недостаточно* внимания.

И.: А еще где неуважение?

Р.: Ну, повсеместно. Даже... На улицу если выйти. Пожилая женщина идет... Не знаю, раньше, может, пионерские организации там... Помочь донести сумку, через дорогу перевести... (муж., 21 г., 24.04.07).

Это выражается в том, что... не в пресловутом неуступлении места в трамвае и все остальное... ну просто, как бы они требуют, а никто не хочет им этого давать. То есть, допустим, кричит: «Я пенсионер, уступи мне место», а этого не хочется делать, поэтому [склонность к пренебрежительному отношению]... Или допустим там, в очереди пропустить, или еще что-нибудь. Они начинают ругаться, а ругаться с ними не хочется, поэтому складывается такое отношение... нехорошее (муж., 20 л., 18.04.07).

В такой перспективе модели не продемонстрированного в силу объективных причин отношения (допустим, действительно не заметил в транспорте, не имел возможности помочь донести вещи — см. табл. ⁴) не имеют ясных границ с «плохим отношением» и при наличии фонового знания о распространенности «плохого отношения» могут быть истолкованы как его проявления, поскольку оцениваются по результату, в то время как другие составляющие процесса — представление о ситуации, ресурсы даже при фокусированном наблюдении считаются плохо. Соответственно и спектр оценки действий окружающих оказывается смещенным под давлением фоновых представлений.

Таблица

Типология действий по отношению к пожилым людям

Модели действий	Практики отношения/действия		
	«знать»	«мочь, иметь возможность»	«сделать»
«хорошая»/«идеальная»	+	+/-	+
не продемонстрированная (условно-нейтральная)	-	+	-
«плохая»	+	+	-

⁴ Таблица является условной и упрощенной и не позволяет сколь-нибудь полноценно классифицировать практическое разнообразие практик отношения/действия к пожилым людям (так, «знать» в таблице предполагает скорее «наблюдение и предупреждение возможной просьбы о помощи», чем «включение в ситуацию вследствие прямой просьбы»; безусловно, подобные сценарии необходимо разграничить), но в контексте этой работы детализация не представляется необходимой.

Таким образом, многие ситуации без явных признаков уважения могут объясняться как «плохое отношение», в то время как сам носитель «плохого отношения» склонен либо истолковывать свои действия как нейтральные/оправданные, либо даже не подозревает о своей включенности в ситуацию взаимодействия. Более того, наличие в фоновом знании об отношении к пожилым людям готовой объяснительной модели «относятся плохо» с высокой вероятностью приведет к возникновению стереотипа о распространенности стереотипов — любые действия, поняты как негативная реакция на конкретного пожилого человека, будут истолкованы как связанные именно с возрастом, а не с другими характеристиками пожилого человека/ситуации, в то время как на практике причиной действительно негативной реакции может быть что угодно — от тембра (интонации) голоса и цвета волос до расовых или гендерных характеристик.

Таким образом, во-первых, в целом ряде ситуаций взаимодействия четко зафиксировать наличие/отсутствие «плохого отношения» затруднительно, при этом высока вероятность того, что нейтральные ситуации будут истолкованы именно как эйджистские; во-вторых, поскольку социальные ожидания формируются под влиянием мнения о распространенности «плохого отношения», подобное неотрефлексированное представление может предопределить поведение участников ситуации, материализуя ожидаемое ими «плохое отношение» (теорема Томаса).

Причины нереализованности проекта «хорошего отношения»

Отсутствие уважительных действий как часть аномистической ситуации

По мнению респондентов, главной причиной, приводящей к «плохому отношению», являются ослабление социальной солидарности, индивидуализм, атомизированность социального, типичность ситуации «каждый сам за себя», коммерциализация повседневной жизни.

И.: А как люди сами относятся?

Р.: Мне кажется, что сейчас само по себе... все стали более жесточенные, поэтому сейчас нет ни родственников, никого, и сами близкие-родные холодно относятся к своим родителям, потому что сейчас главное — это материальное (*жен., 21 г., 16.05.07*).

Показательно, что опрошенные респонденты — носители кавказской культурной традиции отмечают не столько невнимание именно к представителям «третьего возраста», сколько общее безразличие людей друг к другу:

Здесь (*в Саратове*) идут как-то и идут, ничего не замечают, сбивают друг друга, даже если пожилой человек, сбивают его... Машины останавливаются пропустить людей, а люди не останавливаются, они идут как эти (*возмущенно*) (*жен., 19 л., ингушская культурная традиция, 01.11.07*).

Недостаточно уважительное отношение к старости нередко проговаривается в контексте общей гуманитарной катастрофы человеческих взаимоотношений:

Р.: У нас культуры нет. Если была бы культура уважения отцов и детей, тогда было бы уважение к другим людям. Здесь даже не зависит от возраста. Даже молодежь к молодежи так относится. В принципе я не считаю, что дело в старости.

И.: То есть это проблема отношений не между поколениями, а между людьми?

Р.: [Да] (муж., 21 г., опыт азербайджанской культурной традиции, 28.05.07).

Здесь наиболее любопытным является не прямое действие аномии (например, демонстративный отказ в уважении или агрессивные формы неуважения), а ее латентные эффекты: подобная доминирующая установка приводит к смене моделей поведения на социально-генетическом уровне.

И.: А почему (Вы сами недостаточно хорошо относитесь)?

Р.: Ну, такие ситуации случаются... Не могу это объяснить.

И.: А пример? Ну, в транспорте там...

Р.: Стоит много народу... допустим в маршрутке на... (слово неразборчиво; кажется, речь идет о ситуации «не пропустить в очереди на маршрутное такси»). Там уже, так сказать, другой инстинкт. Забываешь, как надо относиться к людям (муж., 19 л., 23.10.07).

Иными словами, речь идет о том, что аномичный индивидуализм проступает в поведении даже в тех случаях, когда субъект изначально, кажется, не планировал его проявлять. Тип ситуации «каждый сам за себя» превращает нейтральные или положительные с точки зрения морали действия в «проигрышные», которых стараются интуитивно избегать.

Более того, некоторые респонденты инкриминировали пожилым извлечение выгоды из возраста — «некоторые пользуются тем, что они пожилые». Здесь показателен ракурс понимания действий пожилых — речь идет о злоупотреблении возрастом, а не, допустим, о переводе своего символического капитала в практические льготы.

И.: То есть пренебрежительное отношение проявляется в том, что не уступают место, в очереди не хотят пропустить?

Р.: Ну да. Хотя бы так. ... Но в основном, конечно, старые люди из-за этого нагляют очень сильно. Это, может быть, грубо звучит... но вот идет пенсионер, ему сам черт не брат, он тебя может и грудью сшибить, «куда прешь»... я не то что бы их обвиняю, но это действительно слишком часто случается. То есть если посмотреть на какие-нибудь митинги, допустим, на Украине, то там пенсионеров не дай бог [неразборчиво] ну что ему, ему же ничего не будет, на груди тельняшку порвет и вперед... (муж., 20 л., 18.04.07).

И.: Как к ним надо относиться?

Р.: Если пожилые люди не нагляют. Опять же, от человека зависит. Некоторые пользуются тем, что они пожилые. Допустим, заходит в транспорт,

я сижу, не заметила ее, она может сказать «уступи мне место», я уступлю. То есть они не стесняются, говорят «уступи мне место» (*жен.*, 20 л., 16.05.07).

Проблема неуважения как экономическое эхо

Очевидно, что такое состояние общества обязывает его членов быть экономически самостоятельными, с тем чтобы быть состоятельными во всех иных смыслах. Можно с уверенностью констатировать, что достаточно большой круг проблем пожилых людей является следствием их материального положения, а точнее — эксклюзированнойности.

Бедность порождает специфические поведенческие практики (или отсекает социально необходимые), потенциально способные вызвать у окружающих раздражение либо запустить механизмы стигматизации — имеется в виду широкий набор действий, ориентированных как непосредственно на преодоление бедности (нищенствование), так и удержание бедности на дистанции, режимы экономии (поиск способов получить возможность льготного проезда в транспорте, доскональный подсчет сдачи в магазине и т. д.):

Я полагаю, общее отношение к пожилым людям складывается из какого-то... допустим, на улице.. стоит бабушка с протянутой рукой... идет дедушка хромает до булочной, чтобы купить булку... чаще всего люди, которые к тебе на улице [неразборчиво] ...грубо говоря, нуждающимися в чем-то (*муж.*, 21 г., 28.04.07).

Р.: ...Бабушка там (*в супермаркете*) ...что ей недодали 7 рублей продавщицы, и из-за этого пришлось закрыть кассу и пересчитывать все деньги. Потому что у них же там все автоматически, в компьютере — пробивается чек, то есть будет там эти семь рублей лишних или не будет. Она стояла на своем. Я вот, например... не знаю, я из-за 7 рублей не стала бы все-таки выяснять. А они (*пожилые*) вот это все любят. Пересчитать там...

И.: А это окружающих раздражало, да?

Р.: Ну, естественно. Если я стою в очереди и жду, а потом касса закрывается, и мне приходится идти вставать в другую очередь, в другое окно (*жен.*, 20 л., 21.04.07).

У нас есть такой маршрут 16, там есть обычный и льготный автобус, и когда в простой бабушки-льготники заходят и говорят, у нас есть льготы, им говорят, у вас специальный автобус, вот тут стычки тоже часто происходят. Вот это я заметила, водители их не хотят брать. [Говорят:] «Вам же выделяют [льготы] на трамвай, почему вы на трамвае не ездите? И там не ездите, и тут деньги не платите» (*жен.*, 20 л., 16.05.07).

Сталкиваясь с необходимостью жертвовать собственным временем или настроением, субъект вязнет в мелочности (нелепости) ситуации (с его точки зрения), что может оказаться барьером для реализации «хорошего отношения» — ведь гипотетический адресат уважительного отношения ведет себя несообразно предполагаемому для него в идеальной модели статусу, что в определенной степени затормаживает адекватные (ориентированные на уважение) социальные реакции.

Пожилые люди как «охотники за общением»

По мнению респондентов, нецелевое общение в межпоколенческом контексте понимается как бессмысленная трата времени, нестатусное занятие; широко распространено мнение, что у стариков «полно времени», им «нечем заняться». Кроме того, человек, желающий получить от вас что-то, находится в позиции просящего, принимает заведомо более низкий ситуативный статус, что само по себе делает включение уважительных моделей поведения менее вероятным:

Зимой вот она идет, ей надо перейти на другую сторону улицы, так как это моя соседка, к пожилым я отношусь хорошо, она меня просит: «Переведи меня на другую сторону улицы», я перевела, прихожу домой, смотрю в окно, вижу, она кого-то просит, чтобы ее вниз перевели. И так несколько раз. Тоже ей как-то не хватало общения. Ей никто не отказывал. А потом она стала спрашивать «сколько время», у всех подряд. То есть это у нее такой способ общения (*жен., 20 л., 16.05.07*).

И.: Конфликты там бывают (*в очередях на почте и т. п.*)?

Р.: Да, и их инициаторами являются зачастую пожилые люди. Я не говорю, что всегда. Возникают они... Во-первых, им просто скучно. Поругались друг с другом, им какая-то встряска (*муж., 21 г., 26.05.07*).

Описанные модели поведения скорее вызовут реакции в диапазоне от раздражения до ироничного сочувствия, чем уважительное отношение, и мало совместимы с представлением о «человеке на заслуженном отдыхе». Возникает эффект поведения человека, не занятого делом, элементы которого могут ассоциироваться с поведением детей (или даже со слабоумием) и включать соответствующие социальные реакции, чаще всего направленные на скорейшее прерывание контакта. Это, в свою очередь, усугубляет проблемы человека, ищущего общения, делает его попытки еще более надуманными, приводя таким образом в порочный круг поиска собеседников.

Межпоколенческие отношения в ситуации кросскультурных контактов

По всей видимости, причины неоказания уважения пожилым людям со стороны молодежи неверно сводить исключительно к «отсутствию воспитания» у последних. Как показывает практика, нередко и носители культурной традиции, предполагающей уважение к старшим, в российских условиях его не проявляют — по крайней мере, в предполагаемых их собственной культурой объемах. Такие респонденты позволяют увидеть российские реалии межпоколенческих отношений из перспективы, на которую нередко ссылаются как на образец; беседы с ними обнаружили набор специфических характеристик российских социальных условий, ответственных за блокирование перехода «хорошего отношения» в «хорошие действия». Наиболее показательными являются особенности поведения пожилых людей в России в ситуации межпоколенческих контактов, по сути сбивающие

носителей восточной культурной традиции с усвоенных ими моделей реализации уважения.

И.: Вы сами из сельской местности, да? И приехали вот с такой [уважительной] моделью поведения по отношению к пожилым людям?

Р.: Да. Потому что нас в школе всегда... Знаете, я никогда тоже с такими бабушками, как здесь, или дедушками, не встречалась. Нет, ну я ничего плохого не могу сказать, но... все-таки уже не то. Чего-то боятся, они чего-то... <...>

И.: И здесь вы встретились с агрессивными старушками?

Р.: Ну не все, я говорю, некоторые есть такие.

И.: Но вот они сбили вас с модели, что всегда нужно помогать?

Р.: Да, не всегда нужно помогать. Не всем.

И.: И у вас были случаи, когда по отношению к вам была агрессия, недоброжелательность?

Р.: Ну, не то что бы... нет. Не то что агрессия, но как-то... «без вашей помощи обойдемся». И мне как-то уже неприятно самой становится. Что я буду? Мне это особо-таки и не надо, я просто хотела помочь... <...>

Я, да, с уважением отношусь, но вот, знаете, раньше я помогала, и вот увижу, что кому-нибудь из пожилых нужна... также в плане уступить место, это вообще без вопросов. Ну, сейчас-то я тоже уступаю, но вот чтобы помочь с сумкой — нет, потому что я лично на себе это испытала, когда вот так недоброжелательно... Ну есть просто разные же люди просто. Есть бабушки, у которых может просто уже возраст сказывается на... Некоторые «спасибо, внученька», все такое... не все с добротой ответят на твою помощь. ... Например, я все-таки за то, чтобы уважать старших, пожилых... <...>

Но можно также встретить и пожилых людей, которые напрашиваются на то, чтобы к ним неуважительно относились...

И.: А пример можно?

Р.: Взять, молодой человек хотел помочь бабушке с тяжелой сумкой, которая сходила с трамвая, например, хотел помочь ей спуститься самой и сумку донести. Она с криком, что воры, забрала как бы эту сумку, и сказала «не надо, я сама».

И.: Вы это сами видели?

Р.: Ну да, бывает такое.

И.: И часто такие вещи наблюдаете?

Р.: Нечасто, но наблюдаю.

<...>

И.: А они сами (*молодежь*) считают, что относятся плохо? Сами это как-то оправдывают?

Р.: Оправдывают. Считают, что плохо, и оправдывают.

И.: А как?

Р.: Ну, если мы возьмем тему «уступить место в транспорте», то некоторые не уступают место, потому что, ну, бывают случаи, когда уступишь

место... ни спасибо даже не скажут, это им тоже как бы неприятно... Вот пример с сумкой. Хотел помочь, а его вором обозвали. Кто будет помогать? Да никто не будет помогать после этого! Будут даже бояться помочь, потому что не захочется оказаться...

И.: В неловком положении?

Р.: Да (*жен., 19 л., дагестанская культурная традиция, 01.11.07*).

Речь идет о том, что уважение к пожилым людям в традиционных (в нашем случае кавказских) культурах подразумевает определенный «ответ», подкрепляющий «правильные» действия. Сталкиваясь с ситуацией, когда, во-первых, не обнаруживается неизменных репрессивных санкций за неокказание уважения (то есть можно говорить о деинституционализации уважительных действий), и, во-вторых, не получая в ответ на попытки предпринять такие действия ожидаемой реакции (или даже получая отрицательную реакцию), носитель «хорошего» отношения теряется, начинает рефлексировать по поводу обязательности таких действий, приходя к выводу, что «помогать надо не всегда и не всем». Теперь в переход от фиксирования геронтологической ситуации, в которой нормы требуют совершить уважительные действия к непосредственным действиям встраивается классификатор «тех» и «не тех» гипотетических адресатов уважения. На практике это ведет в благоприятных вариантах к задержанным реакциям, в неблагоприятных — к «нейтральному» отношению.

Другая респондентка продемонстрировала большую последовательность в соблюдении традиционных норм уважения к старшим, но возможно это связано с тем, что и прочие аспекты ее поведения остались в рамках традиционных требований к девушке в кавказских культурах.

И.: А здесь ваша модель поведения не поменялась? Или уже иногда не встанете [не уступаете место], задумаетесь?

Р.: Нет. Я встаю. ... И вот дело в том, что человек, которому я встала, он удивляется (*смеется*), «зачем вы встали?» Нет, садитесь, я постою. И мне становится странно, почему он мне так говорит, когда он старше меня, и я ему уступаю место. Бывают такие случаи. А некоторые поблагодарят, хорошо, приятно.

И.: А бывает так — пытаешься помочь, а пожилые люди остро реагируют иногда на попытки помочь, подозрительно?

Р.: У меня был один такой случай. Я тоже хотела помочь старушке, она шла... она была с моего подъезда. Но она сказала, что «не стоит, я сама донесу!» Тоже так посмотрела, что сразу стало понятно, что она, наверное, подумала, что я хотела что-то плохое сделать.

И.: С неприязнью?

Р.: Да. <...> Иногда думаешь потом из-за этого — стоит ли [вообще предлагать]. Вот после этого случая. Но я продолжаю все равно помогать, если вижу.

И.: Ваше поведение относительно пожилых людей не изменилось по сравнению с тем, что было в Ингушетии?

Р.: Нет. Не изменилось. Пожилые люди — они и у нас, и в России... Они и есть пожилые люди.

И.: А случай, когда бабушка отказалась от Вашей помощи?

Р.: Ну, не обиделась, наверное, но задело — это точно. Потому что... не знаю, может, они считают, что сейчас молодежь такая, которая все ворует и ничего... [никаких услуг]... Я предложила, она на меня так посмотрела, «нет», говорит. И все, я же ничего, не буду говорить «почему?» Может, потому что она поняла, что я нерусская. Обиды не было, но (*обиженным тоном*) было странно (*жен., 19 л., ингушская культурная традиция, 01.11.07*).

Более того, строгое следование традициям может стать поводом для насмешек или иных репрессивных действий. Возможно, частью мигрантов оно под давлением окружения начинает восприниматься как признак слабости, непрестижный (устаревший) вариант поведения, от которого следует отказаться для успешной адаптации:

Р.: Даже если в аудиторию заходят, у нас принято старшего пропускать, даже если он не старший, а старше тебя... [А здесь] ничего, никакого уважения не заметно.

И.: А для вас это дискомфорт?

Р.: Дискомфорт. Я когда первый год, я становилась у двери и ждала, когда все зайдут старше меня. Меня всегда одноклассники подкалывали. Ну, я привыкла сейчас... (*жен., 19 л., ингушская культурная традиция, 01.11.07*).

Следует добавить, что и некоторые саратовские респонденты полагают, что отношение к пожилым людям может быть ответной реакцией на их собственные «негативные» действия:

Я могу привести пример, когда сами [старики] ведут себя [не очень хорошо]. Я не знаю, возможно, это связано с тем, что они чувствуют, как к ним относятся молодежь, и [неразборчиво].

<...>

Бабушки, допустим, во дворе на маленьких детей, которые шалят, начинают там матом. А когда те подрастают, они уже их как бы в обратную. С одной стороны, я удивляюсь, как же они так на пожилых, а, с другой [обратная реакция] (*жен., 20 л., 16.05.07*).

Неразличимость объекта уважения

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что молодежь в своих моделях «уважительного отношения» к старости ориентируется на достойные уважения образы, созданные социальной рекламой, художественным дискурсом, СМИ в целом; пожилые люди, не вписывающиеся в этот образ, в качестве объектов уважительного отношения респондентами не распознаются.

Это должен быть человек с синдромом Альцгеймера (*sic! — А.С.*), интеллигентнейшего вида, чтобы его хотелось все время пропускать в очереди. Чтобы он никогда не ругался (*муж., 20 л., 18.04.07*).

Некоторые указывают на индивидуальность/ситуативность своего отношения к пожилым людям, по сути, сообщая (в осознанной или неосознанной форме), что фактор возраста сам по себе не включает никаких соответствующих моделей поведения.

Ну я думаю, что это зависит в первую очередь от пожилых людей, от ихнего характера. То есть если пожилой человек спокойный и рассудительный, то есть какой-нибудь грамотный, бывший профессор, или [не-разборчиво] к нему все равно относятся лучше. А базарная бабка какая-нибудь, которая кричит, — к ней относятся хуже. Ну, конечно, в целом пренебрежительно (*муж.*, 20 л., 18.04.07).

А так на самом деле... не знаю, от человека зависит. А так я не посмотрю на возраст — какой человек, так и буду к нему относиться (*жен.*, 20 л., 16.05.07).

Кроме того, допустимо предположить, что смысл словосочетания «плохое отношение» по-разному понимается молодежью и пожилыми людьми. Последние для первых — уже «выключенные» из наиболее престижных сфер общественной жизни люди, которые имеют право претендовать лишь на ограниченный круг внимания, социальной инклюзии, уступок со стороны окружающих, латентно воспринимаются как неполноценные люди. В рамках этого понимания молодежь считает, что относится к пожилым людям «хорошо», то есть «адекватно», «соответствующе».

Они, наверное, считают, что им как бы мы должны, ну, уступать место, а сейчас как бы более наглые люди, ну, молодые... молодой парень считает, «а почему я должен уступать, если я также заплатил за проезд, или они вообще там платят или не платят, почему я должен уступать, например» (*жен.*, 20 л., 21.04.07).

Выводы

1. Идеал отношения к пожилым людям предполагает в первую очередь уважение. Не только «плохие действия», но и отсутствие действий уважительных или нежелание их предпринять маркируется как «неуважение». Понятие «нейтрального отношения» лишено форм практического воплощения; на уровне практики «плохое» и «нейтральное» отношение нередко оказываются неразличимы, последнее с высокой вероятностью будет истолковано как «безразличное»=«негативное». Следовательно, отношение к пожилым людям может представляться хуже, чем фактическое, формируя соответствующие фоновые ожидания.

2. Отношение к пожилым людям в современной России оказывается частью проблемы обострения взаимоотношений между людьми вообще, а потому рассмотрение ее в рамках исключительно межпоколенческой (геронтологической) проблематики некорректно. Кардинальные улучшения в межпоколенческих отношениях невозможны

без преодоления комплекса аномических последствий транзитивного периода, так как нередко отсутствие уважительных действий может быть объяснено не столько прямым («плохое отношение»), сколько латентным (блокировка хороших действий) влиянием аномии.

3. На практике «хорошее отношение» к пожилым людям оказывается нереализованным, декларируемое «уважительное отношение» не переходит в действия. Среди причин этого можно назвать следующие:

а) некоторые практики поведения пожилых людей, обусловленные бедностью и ограниченностью социальных связей, не столько влияют на само уважение к представителям «третьего возраста», сколько создают микроклимат, не способствующий его проявлению;

б) отношение к пожилым людям может быть ответной реакцией на их собственные «нестатусные» действия; опыт таких ситуаций будет сдерживающим фактором для проявления «хорошего отношения», превращая его в «нейтральное»;

в) как следствие, не все пожилые люди воспринимаются молодежью как потенциальные объекты уважения, фактор возраста сам по себе не включает соответствующих моделей поведения; необходимость предварительной классификации пожилых по признаку необходимости оказания уважения приводит к замедленным «положительным» реакциям либо нейтральному отношению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ким Н.* Надежда, усталость, старость... // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1 (39). С. 57.
2. *Писарев А.В.* Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 51–56.
3. *Саралиева З.М., Балабанов С.С.* Пожилой человек в центральной России // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 57, 62.
4. *Смолькин А.А.* Отношение к старости в контексте межпоколенческих взаимодействий // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: в 16 т.: Т. 15. М.: Альфа-М, 2006. С. 51–55.
5. *Смолькин А.А.* Возрастные группы: позиционирование в отношении к старости // Современный дискурс социальной эксклюзии. Саратов: СГТУ, 2005. С. 68–83.
6. *Штейнберг И.Е., Ковалев Е.М.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
7. *Aday R.H., Sims C.R., Evans E.* Youth's attitudes toward the elderly: The impact of intergenerational partners // *Journal of Applied Gerontology*. 1991. Vol. 10. No. 3. P. 372–373.
8. *Angus J., Reeve P.* Ageism: A threat to “aging well” in the 21st century // *The Journal of Applied Gerontology*. 2006. Vol. 25. No. 2. P. 140.
9. *Palmore E.B.* Research note: Ageism in Canada and the United States // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 2004. Vol. 19. No. 1. P. 46.